

A detailed illustration of a window looking out onto the Moscow Kremlin. The central focus is the Spasskaya Tower with its golden spire and red brick walls. Several white doves are shown in flight, some entering the window from the top. The sky is blue with fluffy white clouds. In the foreground, on the windowsill, there are potted plants with pink flowers and a large, golden-brown braided loaf of bread. A white teacup sits on a saucer to the left. The overall scene is bright and cheerful.

Игорь Кив

Отчаянные бабульки

Игорь Кив

Отчаянные бабульки

«Автор»

2026

Кив И.

Отчаянные бабульки / И. Кив — «Автор», 2026

Когда вокруг вас обман, хамство и просроченная сметана, а мир катится в тартарары, его чинят бабушки. С пирожками.

© Кив И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игорь Кив

Отчаянные бабульки

Глава

Игорь Кив

Протония

Отчаянные бабульки

Глава 1. Просрочка

Клавдия Михайловна стояла в очереди в «Восьмёрочке» уже пятнадцать минут. За ней набралось человек десять, впереди таяло медленно.

Наконец подошла. Протянула сметану. Продавщица Зина пробила, кинула в пакет.

Дома Клавдия Михайловна открыла сметану, понюхала и замерла. Кислая. Совсем.

Она посмотрела на чек. Куплено сегодня. Срок годности — вчера.

— Ну, Зина, — сказала она тихо. — Доигралась.

Она завернула сметану обратно, надела пальто и пошла в магазин.

В «Восьмёрочке» Зина увидела её и сделала вид, что очень занята раскладкой жвачки.

— Зина, — Клавдия Михайловна положила сметану на кассу. — Это что?

Зина покосилась:

— А чё?

— Срок годности вчера был. Ты мне вчерашнее продала.

Зина пожала плечами:

— А я чё? Я пробиваю что дают. Претензии к поставщикам.

— К поставщикам? — Клавдия Михайловна повысила голос. — А ну дай сюда книгу жалоб.

Зина вздохнула, полезла под кассу, достала замызганную книгу.

Клавдия Михайловна написала жалобу. Подробно. С указанием даты, времени, названия продукта и фамилии продавца.

— Завтра приду, — сказала она на прощание. — Проверю.

Но назавтра сметана снова была с истекшим сроком. И послезавтра. И через неделю.

Клавдия Михайловна поняла: одной не справиться.

Глава 2. ЖЭК принимает удар

Клавдия Михайловна стояла в ЖЭКе уже час. Перед ней — три человека. За ней — ещё пятнадцать.

В руках — папка. В папке — чек из магазина, заявление, копия заявления, копия копии, справка от врача (на всякий случай), удостоверение пенсионное, паспорт, СНИЛС, ИНН, иконка Николая Чудотворца (Рамизовна сунула на удачу).

Очередь двигалась медленно.

И вдруг дверь открылась.

Вошла женщина. Лет шестидесяти пяти, с осанкой. На голове — шляпа. Настоящая. С полями.

Она остановилась, оглядела очередь, поправила шляпу:

— «Весь мир — театр, а люди в нём — актёры». Однако здесь мы играем трагедию.

Все обернулись. Антоновна прошла вдоль очереди, разглядывая людей.

— К последнему окошку, — сказал ей кто-то. — Там быстрее.

— Благодарю, — кивнула Антоновна и встала перед Клавдией Михайловной.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы не против, если я здесь встану? Я на минуточку. Только спросить.

Клавдия Михайловна пожала плечами:

— Стойте. Я уже час стою.

Дверь распахнулась. Ввалилась женщина крупных размеров, громкая, с пакетами.

— Ой, извините, подвиньтесь, пожалуйста, я сейчас, ой, тут очередь, Господи, сколько народу...

Она задела сумкой тётку слева, пакетом — деда справа, оказалась в центре холла.

— Фу-у-ух! Добежала. А где конец?

Ей показали. Она пошла, но по дороге остановилась возле Клавдии Михайловны.

— Ой, а у вас пирожки? — спросила, глядя на сумку.

— Пирожки, — осторожно ответила Клавдия Михайловна.

— С чем?

— С капустой.

— Дайте два.

Появилась незаметно. Маленькая, сухонькая, в платочке, с блокнотом. Ни с кем не разговаривала, только смотрела и записывала.

Увидев молодую маму с орущим ребёнком, подошла:

— Милая, а ты ребёночка-то крестила?

— Д-да... крестили...

— Крестили, значит. А чего ж орёт? Надо молиться.

Достала из кармана крестик, показала. Ребёнок замолчал.

Молодая мама смотрела с ужасом и благодарностью.

— Спасибо...

— Не за что. Это не я. Это Он.

Час спустя

Они стояли уже рядом. До окошка оставалось два человека.

И вдруг женщина в окошке встала, повесила табличку «ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕРЫВ» и ушла вглубь кабинета.

Народ возмутился. Кто-то стучал по стеклу. Кто-то кричал.

Антоновна подошла первой. Постучала. Не громко, но с достоинством.

— Девушка! У нас тут люди. Живые люди. С документами. С надеждами. Вы не могли бы вернуться?

Женщина даже не повернулась.

Портоновна налегла на стекло всем корпусом:

— Э! Слышь! Ты куда пошла?! Мы тут три часа стоим! А она — чай пить! Совсем совесть потеряла?!

Женщина вздрогнула, но продолжала греть чайник.

Рамизовна подошла тихо. Достала крестик, положила на стекло. И сказала:

— Милая, а ты в Бога-то веришь?

Женщина замерла.

— Я... ну... вообще-то...

— А если веришь, скажи мне: это по-Божески — людей в очереди бросать? Они же к тебе с бедой пришли. А ты — чай пить?

Женщина смотрела на крестик, на Рамизовну, на очередь.

— Я... я на минуточку...

Клавдия Михайловна подошла последней. Посмотрела женщине в глаза и сказала устало:

— Милая, я тебе как женщина женщине. Я час стою. У меня спина болит. У меня дома муж голодный. У меня в сумке пирожки для него, а я их уже почти раздала этим. И если я сейчас уйду ни с чем, я завтра опять приду. И послезавтра. И через неделю. Я никуда не денусь. Я пенсионерка. У меня время есть. А у тебя?

Пауза.

Женщина посмотрела на четырёх бабулек, обступивших окошко. Потом на очередь. Потом на чайник.

— Ладно, — сказала она тихо. — Сейчас... сейчас я всё сделаю.

Она вернулась на место, убрала табличку.

— Давайте по очереди.

Очередь выдохнула.

Антоновна поправила шляпу:

— «Добро должно быть с кулаками». Но иногда достаточно просто четырёх бабулек.

Портоновна доела пирожок:

— Я б её сама уделала. Но так даже лучше.

Рамизовна спрятала крестик:

— Господь вразумил. А я только помогла.

Клавдия Михайловна смотрела на них и улыбалась.

— Девки, — сказала она. — А давайте теперь всегда вместе?

Все трое обернулись.

— В смысле? — не поняла Портоновна.

— Ну, по инстанциям ходить. Вместе. Одна отвлекает, вторая пугает, третья записывает, четвёртая культурно объясняет.

Антоновна улыбнулась:

— «Один в поле не воин». А четверо — уже армия.

Рамизовна кивнула:

— Господь свёл — значит, надо.

Портоновна задумалась:

— А если там кормить будут?

— Не будут, — вздохнула Клавдия Михайловна.

— Тогда я за пирожки. Давайте ещё один.

Клавдия Михайловна протянула ей последний пирожок.

Так они встретились. Так они победили. Так они стали командой.

Они вышли из ЖЭКа. На улице темнело, но на душе было светло.

И тут с крыльца спустился мужчина в кожаной куртке, с папкой под мышкой. Остановился, посмотрел на них.

— Я всё видел, — сказал он.

Бабульки переглянулись.

— Что вы видели? — насторожилась Клавдия Михайловна.

— Всё. Как вы эту за стеклом уделали. Она же полгода никого не слушала. А вы за час справились.

Портоновна скромно:

— Ну, мы это... не специально.

Антоновна:

— «Наглость — второе счастье». Но мы были вежливы.

Рамизовна:

— Я только спросила, верит ли она в Бога.

Мужчина улыбнулся во весь рот:

— Бабульки, да вы отчаянные!

Он сделал шаг вперёд и понизил голос:

— А вы из какой партии? Я бы за вас голосовал. На следующих выборах.

Портоновна перестала жевать:

— Чего?

Антоновна поправила шляпу, глаза загорелись:

— Партия? А что... мы не думали.

Рамизовна перекрестилась, но как-то азартно:

— Господи, спаси и сохрани... а что, можно ведь и во власть... чтобы уж точно всё человечески было.

Клавдия Михайловна молчала. Потом спросила:

— А председателем кого?

Мужчина улыбнулся:

— Ну, судя по тому, как вы их сегодня построили... у вас уже есть председатель.

Все посмотрели на Клавдию Михайловну.

Портоновна:

— А чё, Клавдия, давай! Ты с пирожками, мы с напором, Рамизовна с Богом, Антоновна с культурой. Мы ж теперь команда.

Антоновна:

— «Быть или не быть?» — вот в чём вопрос. Ответ: быть.

Рамизовна:

— Я помолюсь. А вы пока подумайте.

Клавдия Михайловна посмотрела на них. Долго. Потом вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Подумаем. Но сначала — пирожки. Завтра напеку. С капустой. И с мясом.

— И с вишней! — вставила Портоновна.

— И с вишней. А теперь по домам. Мужья заждались.

Бабульки разошлись. Мужчина с папкой смотрел им вслед.

— Ну, держись, район, — бормотал он. — Эти теперь не остановятся.

Глава 3. Первое собрание

Вечер. Кухня Клавдии Михайловны.

На столе — самовар, пирожки (только что испечённые, три противня), варенье, печенье, конфеты.

За столом сидели:

— Клавдия Михайловна

— Антоновна (в шляпе, потому что дома тоже надо красиво)

— Портоновна (уже приступила к пирожкам)

— Рамизовна (с блокнотом)

В углу на табуретке сидел Михалыч. Ему строго-настрого запретили вмешиваться.

Клавдия Михайловна:

— Девки, чай наливайте. Пирожки берите, не стесняйтесь. Портоновна, ты уже третий ешь, дай другим попробовать.

Портоновна с набитым ртом:

— А я пробую. На вкус. Норм.

Антоновна откусила маленький кусочек, прожевала с достоинством:

— Превосходно, Клавдия.

Рамизовна перекрестилась на пирожок, но не ела, записывала:

— Пирожки — это хорошо. Это объединяет. Я записала: пирожки объединяют.

Клавдия Михайловна:

— Так, девки. Давайте к делу. Тот мужик в куртке... насчёт партии... вы чего думаете?

Антоновна отложила пирожок:

— Думаю, что он прав. Мы сегодня показали, на что способны. Одна женщина — ноль. Четыре женщины — сила.

Портоновна дожевала:

— А я вообще всегда говорила: нас много, мы сила. Только собираться надо.

Рамизовна подняла глаза:

— Я записала: «Мы — сила». Дальше?

Клавдия Михайловна:

— Дальше надо решить: хотим мы в эту власть или не хотим?

Михалыч из угла:

— Хотим!

Все четверо повернулись и посмотрели на него.

Клавдия Михайловна:

— Андрей Михайлович, я кому сказала — не вмешивайся?

Михалыч надел кепку задом наперёд:

— Я просто... ну, за вас радуюсь...

Клавдия Михайловна:

— Радоваться будешь потом. А сейчас иди в гараж. Альму покорми.

Михалыч:

— Альму я уже покормил. Она спит.

Клавдия Михайловна:

— Тогда Черчилля.

Михалыч:

— Черчилль у соседей. Он там мышей ловит. Вернее, делает вид, что ловит, а сам спит на диване.

Клавдия Михайловна вздохнула:

— Андрей Михайлович. Иди. В гараж. Посиди. Подумай о вечном.

Михалыч встал, пошёл к двери, на пороге обернулся:

— А пирожок можно взять?

Клавдия Михайловна:

— Один.

Михалыч взял пирожок и ушёл.

Портоновна с уважением:

— Клавдия, а как ты с ним... того... управляешься?

Клавдия Михайловна устало:

— Сорок лет учусь. Пока получается через раз.

Антоновна:

— «Муж и жена — одна сатана». Только ты, видимо, главная сатана.

Все засмеялись.

Клавдия Михайловна вернулась к теме:

— Так. Девки. Давайте серьёзно. Если мы идём в эту... партию... нам нужна программа.

Портоновна:

— Чего?

Антоновна:

— Программа. То есть список того, что мы хотим сделать.

Портоновна:

— А, список. Ну, я хочу, чтобы в магазинах не было просрочки. И чтобы очереди меньше. И чтобы цены не кусались.

Рамизовна записала:

— Против просрочки. Против очередей. Против цен. Записала.

Антоновна:

— Я хочу, чтобы в ЖЭКе работали люди, а не роботы. Чтобы отвечали, когда спрашиваешь. Чтобы не уходили на обед, когда очередь.

Рамизовна записала:

— ЖЭК — на контроль. Записала.

Клавдия Михайловна:

— Я хочу, чтобы к пенсионерам относились по-человечески. Чтобы не «бабка, отойди», а «присаживайтесь, пожалуйста, как мы можем вам помочь».

Рамизовна записала:

— Уважение к старости. Записала.

Все посмотрели на Рамизовну.

Портоновна:

— А ты чего хочешь?

Рамизовна закрыла блокнот:

— Я хочу, чтобы все жили по совести. Чтобы не обманывали. Чтобы не хамили. Чтобы помнили, что за всё спросится.

Тишина.

Антоновна тихо:

— «Блаженны миротворцы»... ты это имеешь в виду?

Рамизовна:

— Я это имею в виду. Если люди будут помнить, что они не просто так живут, а перед кем-то ответ держат, — может, и очередь быстрее пойдёт, и сметана свежее будет.

Портоновна:

— Сложно как-то... Но вроде правильно.

Клавдия Михайловна:

— Значит, так. Программа у нас есть. Теперь надо придумать название.

Портоновна:

— «Пирожковая партия»!

Антоновна:

— «Бабульки против»!

Рамизовна:

— «За совесть и порядок».

Клавдия Михайловна задумалась:

— А давайте просто... «Отчаянные бабульки». Тот мужик так сказал. И нам подходит.

Портоновна:

— А чё, красиво. «Партия отчаянных бабулек».

Антоновна:

— «Отчаянные» — это звучит гордо.

Рамизовна:

— Главное, чтобы не безбожники.

Клавдия Михайловна:

— Значит, решено. «Партия отчаянных бабулек». Завтра начинаем собирать подписи.

Портоновна:

— А сегодня?

Клавдия Михайловна:

— А сегодня — пирожки. И чай.

Дверь скрипнула. Показалась голова Михалыча.

Михалыч:

— А я... это... в гараже подумал... Вы это... если что, я за вас. Ну, если надо будет где-то кричать или кепкой махать. Я умею.

Клавдия Михайловна посмотрела на него, потом на бабулек:

— Андрей Михайлович. Иди сюда. Садись. Ешь пирожок.

Михалыч сел, взял пирожок:

— С капустой?

Клавдия Михайловна:

— С мясом. Капуста завтра будет.

Михалыч:

— Доживу?

Клавдия Михайловна:

— Посмотрим.

Все засмеялись. Даже Рамизовна улыбнулась.

Глава 4. Бабульки в «Восьмёрочке»

Четверо зашли в магазин.

Клавдия Михайловна — впереди, с сумкой. Антоновна — справа, шляпа на месте. Портоновна — слева, уже поглядывает на выпечку. Рамизовна — сзади, с блокнотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.